

"Будущее России куется в регионах". Интервью с Б.Березовским.

Павел Зимин: Добрый день, Борис Абрамович. Прежде всего, разрешите поблагодарить Вас за то, что Вы нашли время для беседы.

Не секрет, что каждое Ваше появление в СМИ вызывает повышенное внимание, а порой и раздражение в Кремле. Особенно много шума наделало интервью с главным редактором газеты "Завтра" Александром Прохановым, после чего, наверное, от каждого Вашего публичного выступления стали ждать сенсации или скандала.

Сегодня хотелось бы обратиться к Вам как к эксперту по российской политике. Прошло три года с того момента, когда казалось, что началась новая эпоха в жизни страны. Новый президент, новая Дума... Помнится, тогда говорили: ну, если и Путин обманет, то больше доверия не будет никому. Три года – срок достаточный для того, чтобы подвести промежуточные итоги.

Начнем с экономики. Наследство Путину досталось неплохое: страна выходила из кризиса, экономическая конъюнктура складывалась в пользу России – тут, казалось бы, надо оседлать успех... Вместо этого мы видим нарастание негативных тенденций, которые могут со временем обернуться разрушительным кризисом. Почему так произошло?

Борис Березовский: Я действительно задумывался на эту тему, но прежде чем мы начнем разговор об экономике, позволю себе небольшой комментарий к Вашему вопросу. Вы сказали, что мои заявления вызывают раздражение и, одновременно, к ним относятся как к серьезной информации. Действительно, сейчас у меня много времени для того, чтобы подумать о том, что происходит в стране. И это время я никогда не приносил в ущерб чему-либо другому, каким-либо сиюминутным событиям, даже когда жил в России. Я считаю, что всJ, что происходит в России, происходит в строгом соответствии с некоторыми историческими закономерностями, а не является каким-то непонятным бардаком. На самом деле, Россия действительно пережила революцию в 90-е годы прошлого века. Естественно, за это приходится расплачиваться. Одну высокую цену мы уже заплатили – это распад огромной империи; вопрос только в том, где он заканчивается и не является ли то, что мы наблюдаем сегодня, продолжением распада. Мне кажется, что это ключевой вопрос для любого серьезного политика. Поскольку очень много признаков того, что распад не остановился. Я согласен, что к концу правления Ельцина Россия выходила на некоторый понятный, предсказуемый, эволюционный путь развития. И согласен, что сегодня этот процесс как минимум приостановлен.

Теперь по поводу экономики. Давайте сначала по цифрам. Честно говоря, я не очень люблю цифры, предпочитаю качественные характеристики, но цифры зачастую позволяют лучше понимать и качество. Так вот, если мы обратимся к цифрам, то 2000 год – это 8% роста ВВП, 2001 год – 6% и 2002 год – 4% роста ВВП, из которых больше половины достигнуто за счет высоких цен на нефть и увеличения экспорта нефти и других энергоресурсов, что является очень плохим результатом. Я могу высказать свое мнение, почему так происходит. Оно лежит не в плоскости точных экономических моделей, какими пользуется, например, Гайдар. Мое понимание состоит в том, что за десять лет правления Ельцина в России появились миллионы, десятки миллионов самостоятельных, независимых от государства, от чиновников людей. Людей, которые решили взять на себя ответственность за свою жизнь, за жизнь своих семей. Это очень важно. Эти люди наконец почувствовали, что они сами могут решать проблемы, и по существу именно они во многом вершили экономику России. К 2000 году эта сложная болезнь изменения менталитета была для многих граждан преодолена, осталась позади, и поэтому 2000 год дал такой всплеск экономической активности.

Однако потом власти (я имею в виду, прежде всего, действия президента Путина) стали вводить всJ большие и большие ограничения, и люди очень быстро это почувствовали. Они стали избегать ответственности, стали проявлять меньше инициативы, стали планировать на более короткое время. Люди и в центре, и в регионах стали рассуждать примерно так: "Сегодня отобрали у одних, а завтра это коснется и меня". Я буквально каждый день общаюсь со многими людьми из российских регионов, и мне из первых рук известно, что там

творится такой же беспредел, поскольку регионы – это во многом проекция центра. Так вот, мне кажется, что ограничения в экономике повлекли за собой повторное изменение менталитета в сторону большей зависимости, подавления инициативы, что и привело к плачевным результатам. Но, конечно, не только это.

Есть несколько задач принципиального характера в области экономики, которые не удалось решить за эти три года Путину, и это можно считать, с моей точки зрения, печальным итогом. Я могу сейчас перечислить, как минимум пять таких задач, которые объединяет одно обстоятельство: власть не использовала благоприятную политическую и экономическую конъюнктуру для того, чтобы провести структурную перестройку экономики.

Структурная перестройка экономики, в моем понимании, это: реформа коммунальная, реформа военная, реформа пенсионная, реформа станового хребта российской экономики – "Газпрома" и реформа РАО ЕЭС. Ни в одном из этих основополагающих для эффективной экономики направлений не было сделано ни одного практического шага. Особенно прискорбно то, что для этого у Путина были все – и политические, и экономические – предпосылки. Я имею в виду, во-первых, колоссальный потенциал доверия, который Путин получил со стороны граждан, и, во-вторых, необычайно благоприятную для России экономическую конъюнктуру. Причем это не только высокие цены на нефть, но и большие проблемы у индустриально развитых стран в области экономики, в противофазе к которым как раз и развивалась экономика России. К сожалению, этот благоприятнейший период был упущен, и совершенно очевидно, что до выборов власть уже не решится ни на какие действия, которые будут болезненно восприняты обществом.

Здесь я хочу отметить принципиальное отличие Ельцина от Путина. Ельцин в 1991 году обладал колоссальным рейтингом, но разменял этот рейтинг на реформы. Путин, напротив, цепляется за рейтинг и тем самым усугубляет проблему для этой власти и для себя лично. Путин пришел к власти в очень высокой системе ожидания. А система ожидания всегда опасна, потому что она порождает надежды, которые нужно реализовывать. Эта дельта – между ожиданиями и уровнем реализации – потенциал разрушения власти, и она должна быть покрыта тем, кто получил власть. Делать это можно тремя способами: либо искусственно уменьшать систему ожиданий, либо увеличивать реализацию, либо делать и то и другое одновременно, продвигая ожидания и их реализацию навстречу друг другу. То, что происходило в последние годы, – это, с одной стороны, еще большее ухудшение ситуации, а с другой – еще больший рост системы ожиданий.

Но надо учитывать, конечно, и особенности менталитета – русского, российского (выбирайте любое слово). Эта особенность заключается, ну, хотя бы в совершенно непонятном противоречии между общим позитивным восприятием президента (рейтинг на уровне чуть ли не 80%) и негативным отношением к элементам его политики, взятым по отдельности. Приведу пример из своей практики, поскольку мне это ближе. Так вот: допустим, уровень доверия населения к президенту констатируется на отметке 80%, а потом идет вопрос: "Доверяете ли вы Березовскому в его обвинениях ФСБ, что ФСБ взрывало дома в 1999 году в Москве, Волгодонске?". И ответ: больше 50% – "да, доверяем". Объясните, как можно доверять президенту, который до этого возглавлял ФСБ, и именно при нем, когда он был премьер-министром, произошли эти ужасные взрывы? Действительно, "умом Россию не понять".

Поэтому задача той оппозиции, которую я пытаюсь построить, заключается в том, чтобы соединить разумное понимание проблем, которые породила эта власть, с оценкой деятельности президента. Они сегодня не совмещаются. Например, больше 50% сегодня выступают против войны в Чечне, а президент поддерживает войну. Все понимают, что Россия разрушается, понимают, что одна из причин разрушения – это война в Чечне – и, тем не менее, доверяют президенту. Больше 60% не удовлетворены своим материальным положением – и, тем не менее, доверяют президенту, который не может справиться с экономикой.

П.З.: Начальный период правления Путина был отмечен бурным государственным и партийным строительством, которое, в конечном счете, было направлено на консолидацию власти в руках президента. Создали новую "партию власти", не прописанную в Конституции "вертикаль" и проч. Все поначалу решили, что Владимир Владимирович собирает силы, чтобы сделать нечто грандиозное. Но время шло, ничего не происходило... Если у Путина нет четкой стратегии, нет ясного видения перспектив развития России – тогда зачем всЈ это было нужно? Какой смысл?

Б.Б.: На самом деле, все эти вертикали, централизация и политической власти, и средств массовой информации – это всегда признак слабой, не уверенной в себе власти. Если уж говорить совсем в общих терминах, есть два принципиально различных подхода к тому, как должно быть устроено государство. Кому-то нравится выделять авторитарный или демократический строй государства. Кто-то подчеркивает различия между социалистическим и капиталистическим путями развития. Но суть всегда одна и та же: есть государство, которое устроено как самоорганизующаяся и саморазвивающаяся система, и есть государство, которое управляется из центра.

Эти две модели принципиально различны. Я убежден: Путин не понимает, что такое саморазвивающаяся система. И он действительно считает, что эффективно можно управлять государством только из единого центра, так, как это было при Сталине. Современное государство должно быть организовано совершенно по-другому; последние двести с лишним лет показали огромные преимущества рыночной экономики как элемента самоорганизующегося государства – но это только в области экономики, а есть еще и политика, есть еще СМИ. Каждая из этих составляющих в эффективном государстве должна быть устроена как самоорганизующаяся система. Это эффективнее, чем управлять из единого центра. И мне кажется, что Путину и его окружению присуще глубочайшее непонимание преимуществ этой модели. Но это если говорить на абстрактном уровне.

Ну, а по существу – это слабость, которую демонстрирует власть. Эффект сегодня известен. Действительно, ни один – подчеркиваю, ни один – человек из сегодняшней власти в России не обладает стратегией.

П.З.: В чем Вы видите слабость нынешней власти?

Б.Б.: Вы просили меня подвести итог трем годам. Давайте подведем итог 2002 году, который я считаю самым неудачным, самым тяжелым для России после распада Союза.

Давайте проведем анализ, очень короткий, по трем составляющим: экономика (мы уже завершили), внутренняя и внешняя политика. Посмотрим сначала, что произошло внутри самой России. Я считаю, что из всех поражений, которые потерпела Россия в 2002 году, самое значимое – это, конечно, поражение в Чечне и в целом на Кавказе. В чем состоит поражение? Сегодня ситуация в Чечне качественно отличается от ситуации после первой чеченской войны. Все-таки тогда нам удалось найти решение внутри страны. У нас не было посредников. Мы о мире с чеченцами договорились сами. У меня глубочайшее убеждение, что 2002 год был рубежом барьера ненависти между чеченцами и русскими. Этот барьер сегодня преодолеть собственными силами уже не удастся. Уровень ненависти русских к чеченцам и чеченцев к русским такой, что без посредников нам не обойтись. Более того, не просто без посредников, переговорщиков, а, к сожалению, без силовых структур. И это прямой ущерб, который президент и его окружение нанесли России в 2002 году. По существу, в 2002 году возник вопрос о территориальной целостности Российской Федерации. Мы сегодня сами ситуацию в Чечне уже не удержим. Таким образом, можно сказать, что 2002 год реально явился годом начала распада России. И это главное из поражений, которые потерпела страна.

Второе, если говорить о внутривнутриполитических провалах, – Калининград. Абсолютное поражение российской дипломатии и России в целом. И опять не был использован очень выгодный момент, сказалось мышление абсолютно неуверенных в себе политиков. Ведь смотрите: Калининград, по существу, давал возможность России сделать первый реальный шаг в Европу. И вместо того, чтобы говорить про всякие глупости – скоростные трассы, какие-то специальные режимы и т.д., – надо было сказать: господа, мы теперь с вами не враги больше, наоборот, союзники, и мы считаем, что Россия может и должна через пять-семь лет стать полноправным членом всех демократических европейских институтов, в том числе "шенгенской зоны". Поэтому – да, мы согласны на такой тяжелый для нас шаг, как разграничение прав граждан Российской Федерации, визовый въезд. Но в обмен на что? В обмен на четкий план интеграции России во всю эту европейскую жизнь. Это уже абсолютно другой разворот событий. Почему это не было сделано? Потому что Россия не верит в свои силы, не верит, что через пять лет сможет настоять на том, о чем договорилась сегодня. В результате – это не просто дипломатическое, а стратегическое поражение.

Есть и внешнеполитические события, которые касаются, прежде всего, наиболее важного для нас пространства – СНГ и всего бывшего Союза. Это вступление в НАТО стран Балтии. Это потеря военного контроля над Средней Азией и Кавказом. Это совершенно беспрецедентное состояние дипломатической войны с Грузией – со страной, с которой мы выстраивали отношения веками. Замахиваться военной дубиной на Грузию – это отсутствие не только политического, но и культурного опыта. Кроме того, очередное поражение в строительстве союзного государства с Белоруссией и полное непонимание ситуации в Украине. Я уважаю Виктора Степановича, у меня с ним давние дружеские отношения, но тон, в котором Черномырдин – посол России – разговаривает с независимым государством, есть отголосок его махрового советского прошлого. Виктор Степанович, безусловно, чувствует себя на Украине как дома. И я тоже, когда приезжаю на Украину, чувствую себя как дома. Но Черномырдин является послом в другом государстве, и у него нет никакого права указывать другому государству, как тому вести себя с Евросоюзом и прочее в этом роде. Похоже, российская власть до сих пор не смогла определиться со своей позицией на Украине. Идут игры с Кучмой, с Ющенко, с оппозицией – но это не политика, это "наперсток". Ну и, конечно, апофеозом отношений внутри СНГ явилось заявление Путина о том, что, в общем-то, СНГ не так и важно для нас. Хотя в ежегодном послании президента было ясно сказано, что СНГ является приоритетом.

Наконец, если пойти дальше, уже за постсоветское пространство, самое чувствительно поражение мы терпим в арабском мире, где одной из наиболее осязаемых является потеря экономических позиций в Ираке. На самом деле, это кардинальное изменение отношения арабского мира к России, и отнюдь не только вследствие того, что Россия вытворяет в Чечне. В целом я считаю, что безоговорочная поддержка Путиным западного сообщества после 11 сентября 2001 года была оправданной. Но вопрос в другом – что является следствием этой поддержки? Наш президент выбрал плату за эту поддержку – произвол в Чечне, на который Запад должен закрыть глаза.

Мало того, что это недальновидная позиция. Она еще и безответственная. Потому что, как только мы приняли решение участвовать в антитеррористической коалиции, мы сразу многократно увеличили риск для собственной страны со стороны террористов. Если мы будем с ними бороться, они что – не будут отвечать? Конечно, будут. Так вот, я считаю, что Путин в обмен на этот оправданный союз, вместо того, чтобы просить закрыть глаза на тот беспредел, который мы творим в Чечне, должен был предъявить совершенно логичное требование – о том, чтобы иметь такой же уровень защищенности, который имеют страны, которые выступают сегодня в коалиции против террористов.

П.З.: Вернемся к вопросу об оппозиции. Несмотря на то, что оппозиция при Путине потерпела существенное поражение, на протяжении всего последнего года просматривались явные попытки со стороны власти добить ее окончательно. Мы вступили в выборный год и, естественно, будем говорить о возможно новой конфигурации оппозиции. Как, на Ваш взгляд, будет развиваться оппозиционная активность? Могут ли нас здесь ожидать какие-нибудь сюрпризы? Имеет ли левая или лево-патриотическая оппозиция шансы на успех на предстоящих выборах? Будете ли Вы им помогать в той или иной форме?

Б.Б.: Во-первых, я считаю, что оппозиция потерпела поражение не при Путине. Она потерпела поражение в лице Лужкова, Примакова и левых на парламентских выборах 1999 года. После этого поражения оппозиция уже не оправилась. У меня был очень любопытный разговор с Путиным весной 2000 года. Тогда я ему сказал, что теперь, когда многие цели, которые мы перед собой ставили, достигнуты, очень важно решить последний, но, с моей точки зрения, не менее важный вопрос, чтобы сделать процесс демократического преобразования России необратимым. Нам нужно позаботиться о существовании в России оппозиции. Я еще сказал тогда, что, конечно, принципиальный вопрос, какая оппозиция – правая или левая, но значительно важнее – есть она вообще или нет. Я тогда по наивности считал, что Путин, обладая властью, согласится не громить оппозицию. К сожалению, он вообще панически боится оппонирования, поэтому, как следствие, боится оппозиции. Разгром оппозиции – это еще один печальный итог правления президента Путина.

Вопрос: в чем состоит задача оппозиции накануне парламентских, а потом и президентских выборов? Я считаю, что есть задача-минимум и задача-максимум. Задача-минимум состоит в недопущении конституционного большинства Кремля в Думе – это значит, что оппозиция должна получить больше 150 голосов. А задача-максимум состоит в получении большинства в Думе, то есть больше 235 голосов. Я считаю, что обе задачи решаемы, даже задача-максимум. Но решить их без участия левых сил невозможно. Однако и левым самостоятельно этих задач тоже не решить. Поэтому я и предложил конфигурацию, в которой участвуют все патриотические силы страны – и правые, и левые.

Вы помните, я дал известное интервью Проханову, которое вызвало массу нареканий в либеральном стане. (В Кремле оно тоже вызвало нарекания, но уже другого толка.) В этом интервью я попытался сформулировать свое понимание патриотизма. При этом наибольшее количество упреков я получил со стороны либералов, которые как огня боятся слова "патриот", цитируют классика: "патриотизм – это последнее прибежище негодяев" – цитируют, заметим, неточно, вырывая из контекста. Так вот, я пытался задуматься, как можно определить патриотизм, чтобы можно было конструктивно с этим работать. Я разделил внутрироссийских патриотов на националистов и интернационалистов.

Лозунг патриотов-интернационалистов – "Россия превыше всего", т.е. интересы России выше интересов любого другого государства. Я в этом лагере, для меня интересы России выше интересов любой другой страны. Но патриоты-интернационалисты разделяются на два класса: патриоты-государственники, для которых интересы государства выше интересов личности, и патриоты-либералы, для которых интересы личности выше интересов государства. У нас большинство патриотов-интернационалистов – государственники, и поэтому в России оперировать с патриотической идеей как с политической, без опоры на патриотов-государственников, неэффективно. С другой стороны, я считаю, что исторической задачей является постепенное превращение патриотов-государственников в патриотов-либералов. Но это задача весьма непростая, и к этим выборам мы не поспеем точно. Поэтому сейчас задача состоит в том, чтобы объединить

патриотов-либералов с патриотами-государственниками в единый оппозиционный блок. С моей точки зрения, это задача решаемая. Я знаю такую конструкцию, которая позволит объединить эти силы. Это первое.

Второе. Еще раз подчеркну: власти не удалось создать эффективную партийную структуру. Могу уверенно сказать: и не удастся. Не удастся, потому что эксперимент с "партией власти" мы уже в новейшей российской истории проходили. Для людей, которые входят в эти структуры, не существует идеологического обозначения проблем. Для них существует только один критерий пребывания в партии: какую выгоду я могу получить от участия в этой партийной организации, причем вне зависимости от какой бы то ни было идеологии. Этим и объясняется та удивившая многих легкость, с которой объединились бывшие смертельные враги – ОВР и "Единство". Ни те, ни другие не обладали никакой идеологией, я это знаю доподлинно, потому что был одним из тех, кто выстраивал "Единство". Основной тезис, который я предложил взять за основу, – это отсутствие какой бы то ни было идеологии. Мы тогда решали конкретную тактическую задачу: победа на парламентских выборах без всякой идеологии, потому что имплантировать какую-либо идеологию в тот момент было уже поздно – оставалось три месяца.

Я считаю, что у власти есть колоссальная проблема: ей не удалось и уже не удастся создать эффективную партийную структуру для победы на парламентских выборах. Поэтому уже сейчас очевидно, что левые получили гигантское преимущество. Смогут они его реализовать или нет – это другой вопрос. Но я не исключаю, что в этот раз у левых получится реализовать свое преимущество, по крайней мере я буду активно им помогать в этом. И я знаю на сегодняшний день, что не только я.

П.З.: Как, на Ваш взгляд, будет складываться предвыборная борьба? Какие силы будут задействованы? Кто может претендовать на пост президента помимо Путина? Удается ли ему переизбраться на второй срок?

Б.Б.: Какие силы будут участвовать на левом фланге, мы с вами уже перечислили. При этом я не остановился подробно на правом лагере, но там... там просто беда, поскольку правый лагерь, по существу, пытался быть просто правым крылом партии власти. И за это сейчас жестоко расплачивается. С другой стороны, мне стало известно (не люблю пользоваться слухами, но получил эту информацию из разных источников), что власть решила сделать ставку на "Яблоко" в ущерб СПС. Не знаю, так ли это, но – похоже. Впрочем, это не имеет принципиального значения. А принципиальное значение имеет то, что правые не составят реальной оппозиции, и это совершенно очевидно.

Теперь по альтернативе Путину. На самом деле, конечно, в огромной степени вопрос о будущем президенте решится на парламентских выборах. Если на парламентских выборах Кремль получит конституционное большинство, то с высочайшей вероятностью Путин будет переизбран. Но я считаю, что с высочайшей вероятностью Кремль не получит конституционного большинства, поэтому, безусловно, надо уже сейчас ставить вопрос об альтернативе. Я, может быть, вас немного заинтригую, но хочу сказать, что я лично знаю нескольких людей, которые могли бы претендовать на то, чтобы составить реальную конкуренцию действующему президенту на выборах. И я уверен, что при благоприятном для оппозиции исходе парламентских выборов одна из этих кандидатур точно составит мощную конкуренцию.

П.З.: Вы можете назвать конкретную фамилию или фамилии?

Б.Б.: Я же Вам сказал, что заинтригую. Я знаю, но говорить специально не буду.

П.З.: Хорошо, тогда я спрошу Вас о конкретных персонажах, опираясь на устойчивые слухи, которые циркулируют в СМИ. Например, в лево-патриотическом лагере бытует мнение, что велика вероятность прихода к власти Анатолия Чубайса. Естественно, это рассматривается как величайшая опасность для России.

Б.Б.: Точно не большая, чем Путин.

П.З.: Далее, в последнее время пошли слухи вокруг кандидатуры Касьянова, как ставленника "семьи". Писали даже о том, что он был представлен в каких-то высоких кабинетах в Вашингтоне в качестве вероятного преемника. Но это, подчеркиваю, лишь слухи. Есть ли под ними какая-то реальная основа?

Б.Б.: Давайте посмотрим реально. С высокой долей уверенности скажу, что Чубайс никогда не будет президентом России. Более того, позиции Чубайса в общественном мнении ослабевают. Началось это, конечно, с приватизации, когда Чубайса стали ненавидеть многие. Да, гражданской войны удалось избежать, и это, безусловно, очень положительно для России. Но довольных тем, как прошла приватизация, не было и нет. Даже олигархи перегрызлись между собой. Перераспределение чужого справедливым не бывает. Хотя,

это было с одной стороны чужое, а с другой – ничье, поэтому грех было не участвовать в этом процессе. А большинство "проспало", я так это называю. Может быть, тем самым я просто ищу оправдание того, что сам стал олигархом, таким нелюбимым в народе... Так или иначе, но по итогам приватизации Чубайс сильно потерял в глазах общественного мнения. Еще больше – или, во всяком случае, не меньше – он потерял, руководя РАО ЕЭС.

Есть такой миф об Анатолии Борисовиче, что он очень хороший менеджер. В рыночной экономике есть два совершенно разных поста: пост менеджера и пост администратора. Анатолий Борисович плохой менеджер, но хороший администратор. Менеджер, помимо всего прочего, должен обладать идеями; администратор идеями не должен обладать – он должен технологично исполнять волю других. Чубайс хорош в последней роли, а президент России не должен быть хорошим исполнителем воли других. Основная обязанность президента России состоит в понимании стратегии и умении эту стратегию донести до хотя бы ближайших исполнителей, а в лучшем случае – до народа. Поэтому я считаю, что Чубайс исчерпал ресурс надежды на то, что он когда-нибудь сможет стать президентом. Хотя я, безусловно, верю, что сам Анатолий Борисович хочет этого.

Теперь о Касьянове. Я думаю, что те, кто считает, что Касьянов может стать президентом, живут в старом измерении. Мы уже один раз это прошли – такую преемственность власти. Должен Вам сказать, что Россия, особенно в переходный момент, не терпит стандартов. Она все время требует поиска новых решений. Замечу, что в 1999 году технологии были кардинально иными по сравнению с теми, которые мы применяли в 1996 году при переизбрании Ельцина. К сожалению, в России не осталось думающих людей, умеющих заглядывать вперед и понимать, что время-то изменилось. Та технология, которая была использована для прихода к власти Ельцина в 1996 году при его переизбрании, или та, которая была использована для прихода к власти Путина, не пройдут в 2004 году – нужны совершенно другие технологии.

Если пытаться системно отвечать на вопрос относительно альтернативы Путину, то, наверное, неправильно говорить о том, кто конкретно может стать конкурентом Путина. Я считаю, правильнее поставить вопрос по-другому: какие силы будут бороться за то, чтобы привести к власти следующего президента? Поскольку, к сожалению, народ в России до сих пор не очень много чего решает, то вопрос заключается в том, какие группы, какие элиты окажут доминирующее влияние на создание альтернативы Путину. Какая элита будет поддерживать Путина – очевидно: это бюрократия.

Я для себя классифицировал восемь элит в России. Могу их перечислить (не по важности, а в произвольном порядке). Первая элита – региональная: губернаторы и бизнес рядом с губернаторами. Вторая элита – олигархи, т.е. бизнес федерального значения. Третья – журналистское сообщество. Четвертая элита – интеллигенция: ученые, писатели, артисты. Пятая – церковь, она тоже стала в последнее время важной политической силой. Шестая элита – бюрократия. Седьмая – спецслужбы. Восьмая – военные. Вот восемь групп влияния, если кому-то не нравится слово "элита". Я не хочу анализировать подробно отношение каждой из них к власти, но здесь важно отметить, что это отношение важно оценивать по двум критериям – рациональной оценке властей и эмоциональной. Отмечу, что больше других выделяются три – это региональная элита, олигархи и бюрократия. Основа, на которой стоит Путин, – это бюрократия. Именно бюрократии он дал возможность гордиться своей профессией, именно через бюрократию идут основные потоки денег, которые теперь концентрируются в центре, вместо того чтобы идти в регионы. Они распределяют деньги, и, конечно, Путин их устраивает на 100%. Основная элита, которую не устраивает Путин, – это региональная элита.

Не буду вдаваться в анализ, скажу просто, что это та элита, которая больше всего потеряла и больше всего ущемлена в результате прихода Путина к власти. Очень неоднозначное отношение к власти и у крупного капитала. С одной стороны, он стал еще крупнее, с другой – стал менее защищенным, чем при Ельцине. Любой самый богатый человек в России понимает, что, если Путин захочет, он завтра отберет всю собственность (это касается и "ЮКОСа", и "Сибнефти", и "ЛУКОЙЛа"), и никакой проблемы у власти с этим не возникнет. Просто отменят итоги приватизации 1995 года – и всё (и общество, кстати, поддержит это).

С моей точки зрения, основное влияние на то, кто станет следующим президентом России, окажут региональные элиты. Как ни странно, но регионы, несмотря ни на что, при Путине ослабли меньше, чем центр, хотя на поверхности всё выглядит ровно наоборот: вертикаль власти и прочее. Но мы же видим, что вся эта вертикаль – на глиняных ногах, а представители президента в округах как политики на жизнь страны никак не влияют.

П.З.: То есть будущее России будет коваться в регионах?

Б.Б.: Оно уже куется в регионах.

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

Прислать свою новость

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

Подробнее о размещении

Отказ от ответственности

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)